

Тата Шу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАБРАВШАЯ
СЕРДЦЕ

Тата Шу

Забравшая сердце

«Автор»

2026

Шу Т.

Забравшая сердце / Т. Шу — «Автор», 2026

Они встретились случайно — на шумной вечеринке в Москве. Она, юная и своенравная, с глазами цвета горного озера. Он — взрослый мужчина, воспитанный в строгих традициях Кавказа, привыкший отвечать за свои слова и поступки. Один взгляд — и мир перевернулся. Ильяс знает: эта девушка предназначена ему судьбой. Но сможет ли свободолюбивая Влада принять законы его рода и его народа, где мужчина — глава семьи, а женщина — хранительница очага? И что будет, когда между ними встанут и старые друзья, и затаённые враги, и, возможно, сама судьба, уготовившая слишком жестокое испытание?

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	15
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Забравшая сердце

Глава 1.

Прожить в Москве пять лет – срок достаточный, чтобы забыть, как пахнет утренний туман над кавказскими хребтами, но недостаточный, чтобы перестать просыпаться без этого запаха.

Казалось, его судьба предрешена. Отец — крепкий мужчина с цепким взглядом — работал в администрации главы республики, хотя никогда не стремился к власти. Семья считалась богатой, хотя вслух об этом никто не говорил. В их роду деньги были не поводом для гордости, а тяжёлым грузом ответственности.

- Не кичись, сын, — наставлял отец, когда Ильяс был ещё подростком. — Не кичись деньгами и властью. Иначе Всевышний может передумать. И ты, который сегодня на коне, завтра окажешься на самом дне. Один на один с собой.

Ильяс впитал эту мудрость раньше, чем научился читать. Воспитанный в строгости и уважении к старшим, он знал: своё положение нужно не демонстрировать, а подтверждать каждым днём. Учеба, связи, репутация — всё работало на будущее, которое отец ему уже почти выстроил своими руками.

Там, на родине, в районе, зажатом между горами, осталась его семья. Отец, мать, вечно что-то обсуждающие дедушка и бабушка. Старшая сестра вышла замуж и уехала далеко от родительского дома — редкие звонки по выходным были единственной нитью. Младшая, Алина, поселилась с мужем неподалеку и сейчас ждала первенца. Ильяс иногда ловил себя на мысли, что завидует ей: у нее хотя бы был свой дом. А он... он просто арендовал квадратные метры в бетонных джунглях.

Осень в Москве выдалась промозглой. Ветер гнал по набережной листья, и небо висело так низко, что, казалось, давило на крыши. Сегодня в квартире Ильяса должны были собраться свои: два приятеля по университету, Артём и Роман. Парни обещали привести девушек — отметить начало учебного года, выпить, посмеяться, сделать вид, что сессия ещё не нависла дамокловым мечом.

Ильяс успел накрыть стол, когда в дверь позвонили. Он отставил бокал с соком, который нервно крутил в руках, и пошёл открывать.

- Илюха! — Ромка ворвался первым — шумный, широкоплечий, с неизменной улыбкой от уха до уха. Следом, смеясь, завалилась вся компания.

Артём, как всегда насмешливый, протянул руку, отодвигая Романа в сторону.

- Привет. Знакомься. — Он мягко подтолкнул вперед хрупкую девушку со смешливыми глазами. — Это моя младшая сестрёнка, Алька. А это её подружки. Кристина... — кивнул на высокую шатенку, — и Влада.

Ильяс машинально кивнул, улыбнулся Але, перевел взгляд на Кристину, и наконец его тёмные глаза встретились с другими.

Влада вложила свою ладошку в его большую ладонь. Небрежно, как бросают монетку в фонтан. А потом вскинула ресницы.

И мир сломался.

Её глаза оказались голубыми — настоящими, чистыми, как горное озеро, о котором он рассказывал в детстве бабушке. Влада смотрела на него с лёгким любопытством, чуть склонив голову, и Ильяс вдруг понял, что не помнит, когда дышал в последний раз. Его сердце стучало через раз — тяжело и гулко, как кузнечный молот.

А она улыбнулась уголками губ и выдернула руку.

- Очень приятно, — сказала она, и в этом «очень» было что-то такое, от чего ладони стали влажными.

- Так, ну познакомились, — вывел из оцепенения голос Артёма. Хлопнул Ильяса по плечу чуть сильнее, чем нужно. — Давайте к столу, а то Ромка уже всю закуску глазами съел.

Компания засмеялась и потянулась в гостиную. Ильяс остался стоять в прихожей на секунду дольше. Провел рукой по лицу. «Соберись» – сказал он себе. «Что за ерунда».

Он вёл себя не как хозяин. Забыл предложить гостям тапочки, перепутал бокалы, дважды переспросил, кому чай, кому сок. Он старался не смотреть на Владу. Смотрел на Ромку, который уже разливал вино. На Артёма, который рассказывал какую-то байку. На Алю, которая с интересом разглядывала книжные полки. На Кристину, которая что-то быстро печатала в телефоне.

Но краем глаза видел только светлые волосы, падающие на плечо. Слышал только её смех — негромкий, будто колокольчик где-то в горах.

И тут память подкинула картинку, от которой внутри похолодело.

Артём как-то упоминал, сидя в баре: «У сестры подружка есть, Влада. Из очень крепкой семьи. Если я её охмурю — не ради денег, чисто по-человечески, но связи, сам понимаешь... перспективы открываются безграничные. Отец её в нефтянке. Но она пока меня не подпускает к себе. С характером».

Тогда Ильяс отмахнулся — мало ли о ком болтают.

А теперь Влада сидела напротив, через два стула от него. Ей было всего восемнадцать. Только поступила в университет. Как и её подружки. Они были детьми — он старше их на четыре года, и эта разница вдруг показалась пропастью.

Она поймала его взгляд и не отвела. Улыбнулась. Открыто.

Ильяс резко поднялся.

- Я за льдом, — бросил он и вышел на кухню.

Там, прижавшись лбом к холодной стене холодильника, он закрыл глаза.

«Не кичись, сын. Иначе Всевышний может передумать».

Отец говорил о деньгах и власти. Но сейчас Ильясу показалось, что небо уже передумало — и просто подкинуло ему самое страшное искушение. Не золотом. Не славой. А голубыми глазами, в которых он хотел утонуть. И которые забрали мгновенно сердце горца.

Глава 2.

Вернувшись с кухни с ведёрком льда, Ильяс уже взял себя в руки. По крайней мере, внешне. Он разлил сок по бокалам, пододвинул закуску, улыбнулся какой-то шутке Ромки. Но внутри всё клокотало.

Он слишком хорошо знал своих друзей. Да и сам, если честно, недалеко от них ушёл. За пять лет московской жизни чего только не было. Девушки менялись часто, как чехлы на телефоне: эффектные, удобные на один-два вечера, не требующие ни обещаний, ни обязательств. Так было проще. Так принято здесь в их кругу.

Ильяс не лицемерил перед собой — он тоже участвовал в этой игре. Только в отличие от Артёма, который коллекционировал победы с циничным азартом охотника, Ильяс каждый раз ловил себя на глупой надежде: «А вдруг эта? Вдруг сейчас?» И каждый раз ошибался.

Потому что он видел другое. Дома, на Кавказе, он рос среди людей, которые слово «любовь» не кричали на каждом углу. Они её проживали. Отец подавал матери воду, когда та возилась на кухне. Мать поправляла отцу воротник и смахивала несуществующие пылинки с его плеча каждое утро, когда он выходил из дома. Они могли поссориться из-за ерунды, а через час сидеть рядом на веранде и молча смотреть на горы, и в этом молчании было больше смысла, чем в громких клятвах.

Ильяс хотел так же. Одну. На всю оставшуюся жизнь. Ту, ради которой просыпаешься утром и не ищешь причин улыбнуться — они есть сами.

Он глядел украдкой на Владу и понимал: его кровь течёт быстрее по жилам. Обычный сок обжигал горло, потому что он пил его, а думал о том, как она смеётся — запрокидывая голову и прикрывая рот ладошкой, словно стесняясь собственной радости. Сердце пропускало удары, когда она попадала в такт музыке, доносившейся из колонки. А уж когда Влада бросала на него короткий взгляд — сквозь ресницы, будто проверяя, смотрит ли он, — у Ильяса начинали подрагивать руки. Пришлось поставить бокал на стол, чтобы никто не заметил.

Артём, разумеется, заметил. Но промолчал. Только усмехнулся и налил себе вина побольше.

Вечер тянулся медленно, как горный ручей в засуху. Разговоры перетекали из никуда в никуда: обсудили преподавателей, посмеялись над соседом Ромки, который залил клавиатуру пивом, поспорили, кто круче — «Феррари» или «Ламборгини». Ильяс не участвовал в этих спорах и разговорах. Он всегда был немногословен. И Влада почти не участвовала в этих спорах. Она сидела, поджав под себя ноги, и слушала. Но Ильяс чувствовал: она всё видит. И его тоже.

Когда часы пробили двенадцатый час, вечер подошёл к концу. Алька зевнула, прикрывая рот ладошкой, и потянулась за телефоном — вызывать такси. Кристина уже накинула пальто.

- Стойте, — сказал Ильяс, поднимаясь. Голос прозвучал слишком твёрдо, и он на секунду испугался, что выдал себя. — Я развезу. Всё равно спать не тянет, а заказывать машины на всех — глупо.

Ромка и Артём переглянулись. В их взглядах читалось нечто такое, от чего Ильясу захотелось врезать обоим. Они поняли всё неправильно. Или правильно — в зависимости от того, как смотреть.

- А мы тогда в клуб, — потянулся Ромка, хлопая себя по карманам в поисках зажигалки. — Сегодня для горячей ночи явно облом. Девчонки нас не ждут. — Он усмехнулся своей пошлой шутке.

Артём молча пожал плечами, но в глазах мелькнуло раздражение. Ильяс знал этот взгляд. Артём уже строил планы на Владу. И сейчас понял, что кто-то встал у него на пути.

- Давай, Илюха, — бросил Артём, надевая куртку. — Будь джентльменом. А мы пока лёгкие охладим.

Они вышли вместе. В лифте никто не говорил. Влада стояла ближе всех к Ильясу, и ему казалось, что он чувствует тепло её плеча сквозь ткань пальто.

Машина Ильяса — чёрный «Мерседес», подарок отца на совершеннолетие — стояла во дворе. Он открыл дверь для девушек, пропуская их в салон. Алька села на переднее сиденье, потому что её тошнило от езды сзади. Кристина и Влада — на заднее.

Ильяс завёл двигатель, бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида и встретился глазами с Владой. Она не отвела. Улыбнулась.

- Куда первой? — спросил он.

Дорога заняла около часа. Он развозил их по домам, как заправский таксист, высаживая у подъездов и дожидаясь, пока зажётся свет в окне. Алька вышла первой — поцеловала Ильяса в щёку на прощание и убежала, шурша курткой.

Влада вышла второй. Её дом оказался в тихом переулке, недалеко от Патриарших. Дорогая высотка с консьержем и коваными воротами. Ильяс вышел из машины, чтобы открыть ей дверь, хотя она уже взялась за ручку сама.

- Спасибо, Ильяс, — сказала Влада, глядя снизу вверх. На улице моросило, мелкие капли застревали в её ресницах. — Мне очень понравился вечер.

- Мне тоже, — ответил он, и голос сел на второй гласной.

Она помедлила секунду, будто хотела что-то добавить. Но не добавила. Развернулась и пошла к двери, где её уже ждал охранник. Ильяс смотрел, как она достаёт ключ-карту, прикладывает к турникету, как двери разъезжаются, поглощая её светлую фигуру.

Влада обернулась на пороге. Махнула рукой. И исчезла.

Последней осталась Кристина. Она села на переднее сиденье, когда Ильяс вернулся в машину, и всю дорогу пыталась завести разговор. Спрашивала про учёбу, про Москву, про то, тяжело ли жить одному. Ильяс отвечал односложно, вежливо, но мысли его были далеко. Там. За дверями элитного дома, где скрылась голубоглазая девчонка, перевернувшая в его душе всё вверх дном.

- Ты какой-то задумчивый, — заметила Кристина, когда он подъехал к её дому. — Влада, да?

Ильяс вздрогнул. Повернул голову. Девушка смотрела на него с понимающей усмешкой — без осуждения, скорее с сочувствием.

- Она хорошая, — добавила Кристина, открывая дверь. — Но сложная. Учти. — И вышла, хлопнув дверью.

Ильяс остался один в салоне. Завёл двигатель, вырулил на проспект и нажал на газ сильнее, чем стоило.

Он не хотел в клуб. Он хотел домой. В темноту. Чтобы никто не видел его лица. Но друзья ждали — Артём уже скинул геолокацию.

Ночной клуб встретил его стеной баса и мигающими огнями. Ильяс протиснулся через танцпол к столику, где Ромка уже охмурял какую-то блондинку, а Артём сидел с двумя девицами сразу — одной наливал шампанское, другой что-то шептал на ухо.

Артём заметил Ильяса, поднял бокал.

- Ну как? — крикнул он сквозь музыку. — Довёз Золушек?

Ильяс не ответил. Сел напротив, взял со стола чужой бокал и залпом выпил. Горло обожгло. Артём усмехнулся, отодвинул от себя одну из девиц и наклонился ближе.

- Ты на Владу глаз положил, да? — спросил он вполголоса. — Я же предупреждал. У меня на неё планы. Серьёзные.

Ильяс поднял голову. Посмотрел на Артёма — на этого вечно улыбающегося, уверенного в себе парня, который менял девушек как перчатки, который никогда не знал, что такое ждать у подъезда, глядя на зажжённое окно, и чувствовать, как сердце выпрыгивает из груди.

Он знал, что Артём — друг. Но не в этом. Не в ней.

- Знаешь что, — сказал Ильяс, ставя бокал на стол. Голос прозвучал тихо, но в нём зазвенел металл. — Ищи себе другую.

Артём выпрямился. На лице его на секунду мелькнуло удивление, потом — холодная усмешка.

- Серьёзно?

- Серьёзно, — ответил Ильяс, поднимаясь из-за стола. Музыка била по ушам, свет резал глаза, но внутри него вдруг установилась странная, пугающая тишина.

Он посмотрел на танцпол, где мелькали чужие лица, чужие улыбки, чужие тела. Потом перевёл взгляд на Артёма, который уже отвернулся к девицам, сделав вид, что разговор не состоялся.

Ильяс стиснул челюсть.

«Будет моей, — сказал он себе. — Никому не достанется».

Он развернулся и пошёл к выходу, оставляя клуб, друзей и прежнюю жизнь за спиной. На улице моросил всё тот же холодный дождь. Ильяс поднял лицо к небу, и капли заструились по щекам — то ли вода, то ли что-то ещё.

Он не знал, что скажет отцу. Не знал, что скажет Артёму завтра. Не знал, хочет ли Влада того же.

Но он знал одно: отступать некуда.

Глава 3.

Квартира опустела. Гости разошлись, оставив после себя гору грязной посуды, несколько пустых бутылок и запах чужих духов. Ильяс не стал убирать. Прошёл в спальню, упал на кровать и уставился в потолок, где от уличных фонарей плясали жёлтые блики.

Сон не шёл.

Тело гудело от напряжения. Перед глазами всё ещё стояла Влада — её улыбка, взгляд из-под ресниц, то, как она поправляла волосы, когда думала, что никто не смотрит. Ильяс закрыл веки, но это не помогло. В темноте она стала ещё ярче.

Он перевернулся на бок, потом на спину, сбил подушку кулаком. В голове роились мысли, липкие, горячие, противоречивые. Артём, отец, Москва, горы... Он попытался думать о чём-то постороннем — об учёбе, о сдаче отчёта отцу, о том, что завтра нужно позвонить маме. Не получалось.

Тогда он сдался. Отпустил контроль. И память сама понесла его назад — в детство и юность, в прохладный дом у подножия гор, где пахло сушёными травами и старым деревом.

Ему было тогда, наверное, лет двенадцать. Или тринадцать. Возраст, когда мальчишки начинают смотреть на девчонок иначе, но ещё ничего не понимают до конца. Он сидел с отцом во дворе после вечернего намаза. Солнце уже село, горы стали фиолетовыми, а где-то в ущелье выла шакалья стая — далеко, едва слышно.

Ильяс тогда спросил — не знал зачем, просто слова сами слетели с языка:

- Отец, а как понять? Что она та самая? Которая твоя на всю жизнь?

Отец не задумался. Даже паузы не сделал. Он сидел, откинувшись на резную спинку деревянного кресла, и смотрел на звёзды. В его профиле, освещённом тусклой лампой из окна, было что-то каменное, незыблемое.

- Достаточно первого взгляда и первой мысли, — ответил он спокойно, будто говорил о погоде. — Это работает не разум, не менталитет, не воспитание, не законы. Всё это шелуха, сын. Она потом, когда уже поздно отступать.

Ильяс замер, боясь дышать.

- Работает интуиция, — продолжил отец, поворачиваясь к нему. В глазах горели те же звёзды, что на небе. — Или, как сейчас говорят, химия. Ты просто чувствуешь. Всей кожей, каждой клеткой. Это твоя половинка. И с этой минуты ты хочешь, чтобы она принадлежала тебе, а ты — ей.

Отец замолчал на мгновение. Взял со стола чайник, налил себе в пиалу — густой, почти чёрный чай. Подумал. Добавил:

- И главное в этот момент — сделать всё быстро и правильно. Быстро, чтобы не упустить. И правильно, чтобы не сломать. Потому что половинка — она хрупкая. Один неверный шаг — и осколки. А склеить нельзя.

Ильяс тогда не понял до конца. Кивнул, поблагодарил отца и ушёл в дом, где мать пекла халву и ругалась на младшую сестру за разбросанные игрушки. А отец остался сидеть в темноте, глядя на горы.

Теперь, спустя столько лет, лёжа в московской квартире, Ильяс слышал его голос так отчётливо, будто отец стоял рядом.

«Первый взгляд. Первая мысль».

Он открыл глаза. В потолке отражался свет фар проехавшей за окном машины.

Да. Взгляд был. Та самая секунда, когда их ладони встретились, а мир перестал существовать. И мысль была. Одна, чёткая, как удар кинжала: «Она. Другая не нужна».

Ильяс сел на кровати, запустил пальцы в волосы. Сердце колотилось так, что, казалось, соседи должны были слышать. Он вспомнил своё отражение в клубном зеркале — растерянное, злое, решительное. Вспомнил, как бросил Артёму: «Ищи себе другую». Вспомнил холодный взгляд друга в ответ.

Он знал, что поступил не по-товарищески. По законам их тусовки, по неписаным правилам «своих», девушка, на которую положил глаз Артём, была неприкосновенна до тех пор, пока он сам не снимет кандидатуру. Это было грязновато, по-скотски, но так работал их круг.

Ильяс плюнул на эти правила. Не задумываясь. Быстро.

«Быстро и правильно», — повторил он про себя отцовские слова.

Осталось разобраться со второй частью. С «правильно».

Он встал, подошёл к окну. Внизу спала Москва — миллионы окон, миллионы судеб, и только в одной из них, где-то на Патриарших, горел свет в комнате восемнадцатилетней девчонки с голубыми глазами. Ильяс не знал, думает ли она о нём сейчас. Скорее всего, нет. Для неё он был просто другом старшего брата её подруги — симпатичный, богатый, но чужой.

Ильяс вдруг осознал с тоскливой ясностью: у него нет её номера телефона, ни соцсетей — ничего. Он даже не знает её фамилии. Только имя. Влада. И город, где она живёт. Ничего.

Он машинально потянулся к телефону, лежащему на прикроватной тумбе, и замер. А что он собирался делать? Звонить Артёму посреди ночи и выпытывать контакт девушки, на которую только что публично положил глаз, разругавшись с ним в клубе? Или искать через друзей «Вконтакте» через сестру Артёма? Как правило — все закрывают для посторонних профиль. Выглядело это всё жалко. И неправильно.

Отец сказал: «быстро и правильно». А быстро, но без её номера — это как стрелять в молоко.

Ильяс отбросил телефон обратно на тумбочку. Откинулся на подушку.

«Значит, будем ждать случая, — решил он. — Или создавать его самому».

Он пролежал так до самого рассвета. Смотрел, как серое московское небо светлеет, как гаснут фонари, как просыпается город. И думал о ней. Только о ней.

«Первый взгляд, — звучал в голове голос отца. — Первая мысль. И нет пути назад».

Ильяс улыбнулся в темноте. Он и не хотел пути назад.

А завтра — точнее, уже сегодня — он придумает, как её найти. Не через Артёма. Не через подружек. А так, чтобы это было правильно. Чтобы она даже не догадалась, что за всем стоит холодный расчёт.

Хотя какой там расчёт. В груди горело. И это точно была не логика.

Глава 4.

Мысль пришла внезапно. И, как показалось Ильясу, абсолютно правильная.

«Быстро и правильно — это прямо сейчас. Ехать и дежурить у её дома».

Он не стал включать разум, который наверняка закричал бы: «Ты что, с ума сошёл? Стоять под окнами, как сталкер? А если она не выйдет? А если выйдет с парнем?» Ильяс просто встал, нашарил тапки и побрёл в ванную.

Освежился. Холодная вода обожгла лицо, разогнала остатки ночной бессонницы. Проглотил наскоро чашку крепкого кофе — даже не почувствовал вкуса, просто обжёг горло и пошёл. Оглядел квартиру. Пустые бутылки, грязные тарелки, недопитые бокалы на столике, чужие заколки для волос — кажется, Алька забыла. Квартира хранила следы вчерашних посиделок, и от этого запаха — смеси вина, духов и сигарет — замутило.

Ильяс мысленно махнул рукой: «Потом. Всё потом».

Он натянул джинсы, свитер — тёмно-синий, тот, в котором, как ему казалось, он выглядит лучше, — накинул куртку. Ключи от машины привычно легли в карман. Выскочил из квартиры, даже не заперев дверь с первого раза — пришлось возвращаться.

В лифте поймал своё отражение в зеркальной стене. Взгляд бешеный, под глазами круги, но чёрт с ним. Не на свидание едет. Пока.

Он рванул к её дому.

Дорога заняла полчаса — воскресное утро, пробок нет. Ильяс припарковался напротив той самой высотки с коваными воротами, где вчера исчезла Влада. Выбрал место, откуда хорошо просматривался вход. Заглушил двигатель. И замер.

И началось ожидание.

Сначала он сидел бодро, крутил в руках телефон, прокручивал в голове варианты: что скажет, когда (если) увидит. Потом бодрость ушла. Потом начала затекать шея. Потом он поймал себя на мысли, что уже час смотрит на одну и ту же дверь, а из неё вышел только толстый мужчина с таксой.

В воскресенье многие позволяли себе не торопиться на улицу. Тем более с утра снова моросил противный дождь — мелкий, холодный, тот самый, который пробирает до костей и забирается под воротник, даже если сидишь в машине. Капли скатывались по лобовому стеклу, и мир за ним казался размытым, ненастоящим. На душе становилось всё тоскливее.

«Что я здесь делаю? — спросил он себя в сотый раз. — Она может не появиться целый день. А может, уже вообще уехала на выходные. А может, у неё парень есть, и они сейчас там, наверху...»

Он сжал руль. Ревность — глупая, беспочвенная — уже вцепилась в него мёртвой хваткой. Он ведь ничего о ней не знал. Совсем ничего. И всё равно сидел. Час. Второй. Третий.

Ильяс уже начал клевать носом, когда дверь подъезда наконец открылась.

Он мгновенно проснулся. Выхватил взглядом фигуру — хрупкую, знакомую. Влада. В светлом пальто, с зонтом в одной руке и телефоном в другой. Она прижимала его к уху — разговаривала с кем-то, улыбаясь в трубку. Не спеша, уверенно направилась к небольшой машине, припаркованной у тротуара. Серый «Фольксваген», неброский, аккуратный.

Ильяс видел, как она достала из сумки ключи, нажала на брелок — машина моргнула фарами.

Вот сейчас сядет — и уедет. А он так и останется сидеть, как дурак, смотреть ей вслед.

Он не думал. Дёрнул ручку двери, выскочил под дождь — куртка мгновенно намокла, волосы прилипли ко лбу. Пересёк улицу быстрыми шагами и оказался рядом с ней, когда она уже открывала водительскую дверь.

- Привет, — сказал он. Голос хриплый — от волнения, от долгого молчания.

Она вздрогнула. Резко обернулась, и в глазах её мелькнул настоящий испуг — на секунду, не больше. Телефон выпал бы, если бы она не зажала его в кулаке.

- Ильяс? — выдохнула она. — Ты... ты меня напугал.

Щёки её вспыхнули мгновенно — ярким, живым румянцем, который не скрыл даже холодный свет пасмурного утра. Влада отступила на шаг, прижимая руку с телефоном к груди, будто успокаивая сердце.

- Прости, — сказал он, и правда виновато. — Не хотел. Просто... увидел, что выходишь. Решил подойти.

Она смотрела на него настороженно, но любопытно. Дождь шёл между ними, и Влада подняла зонт — над собой. Ильясу достались капли.

- Ты что, всё утро здесь сидел? — спросила она, и в голосе послышалось недоверие. — Зачем?

Ильяс промолчал. Слишком честно было бы ответить «ждал тебя». И слишком глупо.

- Проезжал мимо, — соврал он, глядя ей прямо в глаза. — Решил проверить, как ты.

Влада не поверила. Это было написано на её лице — в прищуренных, почему-то потемневших глазах, в чуть заметной усмешке. Но она не стала допытываться.

- Куда-то собралась? — спросил он, кивнув на машину.

Влада помедлила. Видимо, решала, стоит ли вообще отвечать парню, который её караулит у подъезда. Но ответила:

- Бабушку еду навестить. Она приболела. Родители на даче, так что я одна сегодня.

- Одна, — повторил Ильяс, и в этом слове прозвучало что-то такое, от чего она снова покраснела.

Повисла пауза. Дождь шумел по зонту. Ильяс стоял мокрый, нелепый, но не двигался с места.

- Давай я тебя подвезу, — сказал он вдруг.

Влада удивлённо приподняла бровь.

- Ты хочешь отвезти меня к бабушке? Мы с тобой даже не знакомы толком.

- Вчера познакомились, — напомнил он. — Руку твою помню. Холодная была.

Это прозвучало почти интимно. Влада отвела взгляд, потом снова посмотрела на него — долго, изучающе. Наверное, видела, как он промок, как дрожат его пальцы, как в глазах горит что-то отчаянное.

- Ладно, — сказала она тихо. — Уговорил.

Ильяс выдохнул — кажется, впервые за последние три часа.

Она захлопнула дверь своей машины, сунула ключи обратно в сумку. Ильяс провёл её к своему «Мерседесу», открыл переднюю дверь. Влада села, аккуратно сложила зонт, положила на колени сумку.

Он завёл двигатель. Тёплый воздух из печки ударил в лицо — и стало легче дышать.

Бабушка Влады жила в старом районе, недалеко от метро «Аэропорт». Дорога заняла минут двадцать. Они почти не говорили — только Влада изредка бросала короткие фразы: «налево», «теперь прямо», «вон за тем домом поворот». Ильяс кивал и молчал. Боялся сказать что-то не то.

У подъезда пятиэтажки она вышла. Ильяс заглушил двигатель и сказал:

- Я подожду. Вдруг помощь нужна?

- Не нужно, — покачала головой Влада. — Я часа на два.

- Я подожду, — повторил он упрямо. И добавил, чувствуя, как колотится сердце, — А потом... может, прогуляемся? Если ты не занята.

Он замялся на последних словах. Голос дрогнул, и он ненавидел себя за эту дрожь. Двадцатидвухлетний мужчина, который видел всякое, а тут — как мальчишка перед экзаменом. Он никогда так не чувствовал себя в присутствии девушки.

Ильясу показалось, что она откажет. Что сейчас скажет «извини, но нет» или «у меня другие планы». Он уже приготовился кивнуть, улыбнуться, сделать вид, что ничего страшного. И всё равно остаться ждать.

Но Влада посмотрела на него и улыбнулась.

- Хорошо, — сказала она. — Я быстро. Жди.

И ушла в подъезд, оставив Ильяса одного с бешено колотящимся сердцем и глупой, непобедимой улыбкой на лице.

Он откинулся на сиденье, провёл мокрой ладонью по лицу и прошептал в пустоту:

- Спасибо тебе...

Не понял даже, кому благодарен. Отцу — за мудрость. Всевышнему — что сжалился. Или ей — что сказала «хорошо».

Но это было уже неважно.

Глава 5.

Ильяс не заметил, как пролетело время. Он сидел в машине, слушал, как дождь барабанит по крыше, и прокручивал в голове сценарии. Что он скажет, когда она выйдет? Куда предложит пойти? Будет ли держать за руку или пока рано?

Дверь подъезда открылась. Влада вышла — быстрая, лёгкая, с пустой сумкой через плечо. Зонт она несла в руке, но не раскрывала — дождь почти перестал, только мелкая взвесь висела в воздухе. Ильяс выскочил из машины, открыл перед ней дверь.

- Ты быстро, — сказал он. — Я думал, ты дольше.

- Бабушке лучше, — Влада скользнула на сиденье, стряхивая капли с пальто. — Сказала, чтобы я не сидела над душой, а ехала гулять, пока погода не испортилась совсем.

Ильяс сел за руль, завёл двигатель. Посмотрел на неё — покрасневшую после тёплой бабушкиной квартиры, с мокрыми кончиками волос. Сердце сжалось.

- Слушай, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты не хочешь перекусить? Я знаю несколько мест. Любой ресторан, любое кафе — куда пожелаешь.

Влада повернула к нему голову. Посмотрела внимательно, долго — так, что Ильяс почувствовал себя под микроскопом. Её взгляд скользнул по его лицу, спустился к мокрому воротнику куртки, к рукам, сжимающим руль, к джинсам, которые так и не просохли после утреннего стояния под дождём.

- Ильяс, — сказала она спокойно, но с металлом в голосе. — Ты выглядишь как бездомный, промокший, ничейный котёнок.

Он опешил.

- Что?

- Ты меня слышал. — Влада даже не улыбнулась. — Волосы слиплись, куртка мокрая, под глазами круги. И везет от тебя... ну, скажем так, вчерашним вечером. Ты вообще спал сегодня?

Ильяс открыл рот и закрыл. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Девушки обычно мялись, улыбались, делали вид, что всё прекрасно. А эта... эта просто сказала правду в лицо. Как есть.

- Тебе нужно привести себя в порядок, — продолжила Влада, не обращая внимания на его замешательство. — Поедем к тебе. Примешь душ, переоденешься. А потом решим, куда съездить.

- Ко мне? — переспросил Ильяс. Голос сел на высокой ноте, и он мысленно выругал себя за это.

Она кивнула, как будто ничего необычного не предложила. Девушка, которую он видел второй раз в жизни, сама вызывалась ехать к нему домой. В пустую квартиру. Где они будут вдвоём.

- Ты чего, испугался? — Влада приподняла бровь, и в уголках её губ заплесала усмешка. — Я думаю, что ты будешь вести себя прилично.

Ильяс усмехнулся. Смелая девчонка. Или просто доверчивая.

- Не испугался, — сказал он. — Поехали, котёнок. Замёрзнешь ещё.

Она фыркнула — то ли на «котёнка», то ли на его тон. Но спорить не стала.

Ильяс не верил своим ушам. Только что эта хрупкая голубоглазая девчонка назвала его — сто девяносто сантиметров, подкачанный, с серьёзным взглядом — бездомным котёнком. И теперь командует, как будто они знакомы сто лет.

Он покачал головой, включил поворотник и вырулил со двора.

- Держись, — сказал он. — Поехали.

Дорога до его дома заняла минут двадцать. Влада всю дорогу молчала, смотрела в окно и иногда бросала на него короткие взгляды — изучающие. Ильяс чувствовал эти взгляды кожей. От них хотелось выпрямиться, втянуть живот — хотя куда уж больше.

Он припарковался во дворе, поднялись на лифте. Влада вошла в квартиру первой, огляделась — вчера вечером было шумно илюдно, а сейчас пусто и тихо. Следы вечеринки: бутылки на столе, грязные тарелки, пепел (хотя никто не курил — так, кто-то прикурил от свечи и затушил в первой попавшейся посудине).

- Ужас, — констатировала Влада.

Ильяс виновато пожал плечами.

- Я хотел убрать, но...

- Но ты поехал дежурить под моими окнами, — закончила за него она. — Иди уже, мойся. Я тут разберусь.

- Что? — Ильяс замер на полпути к ванной. — Ты не должна...

- Ильяс. — Влада повернулась к нему, уперев руки в бока. — Ты привёз меня к себе домой. Будешь спорить с женщиной в её же вотчине? Иди. Давай. Быстро.

Он хотел возразить, но что-то в её взгляде — твёрдое, хозяйское, но при этом тёплое — заставило его замолчать. Он кивнул и скрылся в ванной.

Влада осталась одна. Она скинула пальто, аккуратно повесила его на спинку стула. Закачала рукава свитера. И принялась за дело. Бутылки — в мусорное ведро. Тарелки — в посудомойку, хотя она не сразу нашла, куда загружать. Бокалы сполоснула вручную, чтобы не бились. Пепел смахнула в салфетку. Стол протёрла влажной тряпкой — нашла её под раковиной, вместе с чистыми губками. Протёрла пол.

Она двигалась быстро, легко, будто всю жизнь убирала чужие квартиры. Или будто ей просто хотелось сделать приятно. Через двадцать минут от вчерашнего пиршества не осталось и следа. Только запах лимонного моющего средства витал в воздухе.

Ильяс вышел из душа. Волосы ещё мокрые, на нём свежие джинсы и чёрная водолазка — облегающая, подчёркивающая плечи. Он чувствовал себя человеком. Спать всё ещё хотелось зверски, но хотя бы не стыдно было смотреть в зеркало.

Он вошёл в гостиную — и замер.

Комната сияла. Стол пустой и чистый, пол блестит, мусор завязан в пакет. А Влада стояла у окна, сложив руки на груди, и смотрела на него с лёгкой насмешкой.

- Ну, — сказала она, окидывая его взглядом с ног до головы. — Так гораздо лучше. Почти человек.

- Почти? — усмехнулся Ильяс.

- Ты ещё не ел, — напомнила она. — И спать тебе надо часов восемь. Но это потом. — Она взяла со стула своё пальто. — Поехали, я хочу суши. Знаешь нормальное место?

Ильяс всё ещё стоял и смотрел на неё. На эту девчонку, которая назвала его котёнком, убрала его квартиру и теперь командует, куда ему везти её есть. Два часа назад он боялся, что она откажется даже разговаривать. А теперь она стояла в его гостиной, и это казалось самым правильным, что случалось в его жизни за последние пять лет.

- Знаю, — сказал он. — Лучшее в городе. — Он подошёл к ней, помог надеть пальто. Пальцы дрожали, когда он застёгивал пуговицы.

Влада подняла на него глаза. Близко-близко.

- Только, Ильяс, — сказала она тихо. — Если ты меня сейчас отвезёшь в какой-нибудь пафосный ресторан с живой музыкой и официантами во фраках, я обижусь.

Он растерялся.

- А куда?

- Туда, где вкусно. И где нет твоих знакомых, — ответила она. — Хочу, чтобы меня никто не разглядывал. Сегодня я просто девушка Влада, а не дочь своего отца. Идёт?

Ильяс посмотрел на неё — на эту смелую, прямолинейную девушку, которая, оказываясь, тоже устала от масок. Кивнул.

- Идёт, — сказал он. — Девушка Влада. Поехали.

Они вышли из квартиры, и Ильяс, закрывая дверь, бросил последний взгляд на чистую квартиру. Мать бы удивилась, если бы узнала, что невестка — а он уже почему-то думал о ней так — убирает лучше любой домработницы.

Он усмехнулся своим мыслям и нажал кнопку лифта.

Глава 6.

Суши оказались действительно лучшими в городе. Маленький уютный ресторанчик в одном из переулков, где не было вывески на английском, навязчивых официантов и пафосной музыки. Просто белые стены, деревянные столы и запах свежей рыбы и риса. Влада заказала сама — долго советовалась с поваром, морщила нос, когда он предлагал что-то слишком экзотическое, и в итоге выбрала классику: роллы с огурцом, лососем и авокадо.

- Ты не против? — спросила она, взглянув на Ильяса.

- Я вообще всё ем, кроме свинины, — улыбнулся он. — В горах не привередничают.

Они ели почти молча. Не потому, что не о чем было говорить — просто паузы не казались неловкими. Ильяс смотрел, как она аккуратно берёт палочками кусочек, подносит ко рту, прикрывая глаза от удовольствия, и думал: «Как же хорошо. Как же мне хорошо».

Когда вышли из ресторана, природа словно решила, что они действительно нашли друг друга. Тучи разорвались, и из-за них выглянуло солнце — яркое, почти летнее, хотя на календаре был сентябрь. Дождь остался где-то позади, воздух посвежел, и лужи на асфальте засверкали, как маленькие зеркала.

- Погуляем? — предложил Ильяс, чувствуя, что не хочет расставаться. Ни сейчас, ни через час, ни никогда.

- Давай, — кивнула Влада.

Они пошли по набережной. Солнце золотило верхушки деревьев, отражалось в воде, и казалось, что весь мир улыбается им. Ильяс шёл и ловил себя на мысли, что не помнит, когда последний раз чувствовал себя таким... живым.

Они рассказывали о себе. Сначала о пустяках: любимые фильмы, музыка, какие предметы в универе нравятся, а какие — нет. Влада призналась, что терпеть не может физику и высшую математику.

- Я гуманитарий, — сказала она с вызовом. — Мозг отказывается дружить с интегралами.

- А я, наоборот, математику люблю, — улыбнулся Ильяс. — В ней есть порядок. Ответ всегда один. В отличие от жизни.

Влада посмотрела на него с интересом.

Потом разговор стал глубже. Ильяс честно признался — впервые, наверное, за всю московскую жизнь:

- Мой отец работает в аппарате главы республики. — Он сказал это тихо, будто боялся, что кто-то услышит. — Но для всех окружающих я сын бизнесмена. Так проще. Без лишних вопросов.

Влада не удивилась. Только кивнула, как будто ожидала чего-то подобного.

- А я... — начала она, глядя на воду. — Я из простой семьи. Честно. Мама — учительница музыки, папа начинал с маленького бизнеса. Но десять лет назад... — она запнулась, подбирая слова. — Он высоко взлетел. Очень. И мы венулись в Москву.

- И тебе это не нравится? — осторожно спросил Ильяс.

- Не знаю, — честно ответила она. — С одной стороны, я благодарна. У меня есть всё, что нужно. С другой... — она вздохнула. — Воспитывали меня строго. Приучали к порядку. Чтобы не была высокомерной. Не хвалилась своим положением. Чтобы помнила, откуда мы родом. Мама всегда говорила: «Деньги приходят и уходят, а человек остаётся». Вот я и стараюсь оставаться человеком.

Она замолчала на секунду, потом добавила с лёгкой улыбкой:

- На восемнадцать лет мне подарили машину. Сказали: «Учись». А я до сих пор не очень уверенно вожу. Паркуюсь, как бабушка.

Ильяс рассмеялся — искренне, громко, запрокидывая голову. Влада сначала удивлённо на него посмотрела, а потом засмеялась тоже.

- Что смешного?

- Ты, — сказал он. — Ты говоришь о парковке, как о катастрофе. А у самой — знаешь какой взгляд? Как у космонавта перед стартом.

Она покраснела и толкнула его плечом — легко, по-свойски.

Они гуляли долго. Снова зашли в кафе. Солнце клонилось к закату. Влада шла рядом, иногда касаясь его руки, и каждый раз у Ильяса перехватывало дыхание.

Они остановились у парапета набережной. Вода внизу была тёмной, спокойной, и в ней отражались первые звёзды. Ильяс смотрел на Владу — на её профиль, на то, как ветер играет с волосами, на лёгкую улыбку, которая то появлялась, то исчезала на её губах.

- Ильяс, — сказала она вдруг, не оборачиваясь. — Ты наверняка знаешь, что Артём метит мне в мужа.

Он замер. Сердце ухнуло вниз.

- Знаю, — ответил он тихо.

- Я не рассматриваю его как претендента на мою руку и сердце, — продолжила Влада. В её голосе появилась жёсткость, которой он раньше не слышал. — Он слишком много хочет получить, не вкладывая сил. Ещё ко всему прочему волочится за каждой юбкой. — Она повернулась к Ильясу, и её глаза — в свете заката казались почти синими — смотрели прямо. — А мне нужен...

Она замолчала. Нахмурилась, как будто сама не до конца понимала, что хотела сказать.

- Нужен кто? — спросил Ильяс.

Влада молчала. Смотрела, как солнце касается воды, как розовый свет разливается по небу, как где-то вдалеке кричат чайки.

Ей хотелось сказать. Сказать, что ей нужен сильный, надёжный, любящий мужчина. Которого она не будет ни с кем делить. Который будет только её. Как её отец — для матери. Не тот, кто врёт, не тот, кто бегаёт по девушкам, не тот, кто говорит одно, а делает другое. А тот, кто с первого взгляда знает — ты его. И он — твой. И точка.

Но она не сказала. Только покачала головой.

- Впрочем, не важно, — ответила она. — Ещё не время.

Ильяс стоял, боясь дышать. В голове билась одна мысль: «Она не хочет Артёма».

- А если я скажу, что не безразличен к тебе? — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать.

Влада медленно повернулась. Посмотрела на него — долго, внимательно, так, что под этим взглядом хотелось стать лучше, чище, достойнее.

- Ты только что сказал? — переспросила она.

- Сказал, — выдохнул Ильяс. — И не возьму назад.

Она молчала. Солнце садилось, и в этом свете её лицо казалось то ли грустным, то ли счастливым — Ильяс не мог разобрать.

- Тогда, — сказала Влада тихо, — тебе придётся доказать, что ты не такой, как Артём. Что ты можешь вкладывать силы. Что ты не волочишься за каждой юбкой. — Она сделала паузу. — Докажешь?

Ильяс смотрел на неё и чувствовал, как внутри разгорается огонь. Не тот, который жжёт и уничтожает, а тот, который согревает и заставляет двигаться вперёд.

- Докажу, — сказал он твёрдо.

Влада улыбнулась — краешком губ, чуть заметно. И отвернулась обратно к реке.

- Тогда идём, — сказала она. — Солнце село. Холодно становится.

Они шли молча. Но это молчание говорило громче любых слов.

Глава 7.

Машина Ильяса мягко затормозила у знакомой высотки с коваными воротами. Фонари уже зажглись, и их жёлтый свет разливал по мокрому асфальту лужи. Салон наполнился тишиной — не той неловкой, какая бывает в конце неудачного свидания, а уютной, как плед, в который кутаешься холодным вечером.

Влада не спешила выходить. Она сидела, расстегнув ремень безопасности, и смотрела куда-то вперёд, сквозь лобовое стекло. Ильяс ждал. Ему казалось, что если он сейчас скажет хоть слово или сделает лишнее движение, волшебство рассыплется.

- Спасибо тебе, — сказала она наконец тихо. — За сегодня. За суши. За то, что... не стал играть.

- За что? — не понял он.

- В игры, — Влада повернулась к нему. — Артём сразу начинает. Красиво ухаживает, дарит цветы, говорит правильные слова. А ты... ты просто был рядом. Под дождём дежурил, как дурак. Это... трогательно. И честно.

Ильяс усмехнулся — не обиженно, а скорее смущённо.

- Я и есть дурак, — признался он. — Другого объяснения моим поступкам нет.

Она улыбнулась. А потом вдруг спросила, глядя прямо в глаза:

- Ильяс, а ты кто по национальности?

Вопрос застал его врасплох. Он несколько раз открыл рот, собираясь ответить, и закрывал — не потому, что не знал ответа, а потому что никогда не думал, что его спросят об этом вот так. Просто.

- Понимаешь, — начал он, почёсывая затылок, — внешне я не совсем русский, это да. А по-русски говорю лучше, чем некоторые русские. Бабушка шутит, что я «человек мира».

Влада ждала.

- Сам я, если честно, не знаю, — слукавил Ильяс. — Одна бабушка по отцу у меня грузинка. Другая — русская, по маме. А отец отца — ингуш. — Он развёл руками, улыбнулся, и увильнув от прямого ответа, сказал, — Так что я интернационалист. Чистый.

Влада тихо рассмеялась. Но в глазах её оставалась серьёзность.

- А вообще, — добавил Ильяс, и голос его стал глубже, — когда с рождения живёшь на Северном Кавказе, его менталитет оседает в крови. Это не выбирают. Это впитывается с воздухом и кровью отца.

Он замолчал на секунду, подбирая слова. Влада слушала внимательно, не перебивая.

- Но удивительное дело, — сказал он, и в его голосе появилась та теплота, которая бывает только когда говоришь о самом дорогом. — Я рос в семье, где родители очень друг друга любят. Они не кричат об этом на каждом углу. У них нет этих ваших... — он поискал слово, — «челленджей» в соцсетях, совместных фото с подписью «моя половинка». Они просто живут. Вместе.

Влада замерла.

- Моя мама, русская, приняла устои семьи мужа беспрекословно, — продолжил Ильяс. — Не потому что её заставляли. Потому что она сама так решила. И когда она выходила замуж за отца, знала, на что идёт. Она смотрела на свою свекровь — мою бабушку-грузинку — и видела, что это возможно. Быть сильной, но при этом не спорить с мужем. Не доказывать, кто главный. Просто доверять.

- И кто у вас главный? — тихо спросила Влада.

- Муж, — ответил Ильяс без тени сомнения. — Всегда муж. И других вариантов не существует. — Он посмотрел на неё. — Это не значит, что женщину не слышат. Её слышат всегда. Но последнее слово — за мужчиной. И он за это слово отвечает. Жизнью, если надо.

Влада молчала. Переваривала. Ильяс вдруг испугался, что сказал лишнего, что для московской девушки, выросшей в достатке и свободе, такие слова звучат как из прошлого века.

Но Влада не выглядела ни испуганной, ни возмущённой. Она смотрела на него с интересом — и ещё с чем-то, что он не мог разгадать.

- Как тебя мама зовёт? — спросила она вдруг, сменив тон на более мягкий.

Ильяс растерялся от неожиданного поворота.

- Что?

- Мама. Как она тебя называет по-домашнему? — повторила Влада.

Он улыбнулся — такой простой, почти детской улыбкой, которую редко кому показывал.

- Илюша, — сказал он. — С самого детства. Даже сейчас, когда я звоню, она говорит в трубку: «Илюша, как ты?» И я... я таю. Каждый раз.

- Илюша, — повторила Влада, пробуя имя на вкус. Произнесла тихо, почти шёпотом. И от этого шёпота у Ильяса внутри всё перевернулось.

Они смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

А потом Влада подалась вперёд — быстро, решительно, как будто боялась, что если подумает, то не сделает. И поцеловала его в щёку. Губы — мягкие, тёплые — коснулись скулы, и Ильяс почувствовал, как всё тело пронзило током.

- До завтра, Илюша, — шепнула она ему прямо в ухо.

И выскочила из машины. Вихрем — пальто, волосы, смех — промелькнула, приложила карту к турникету, и двери разъехались, проглотив её.

Ильяс остался сидеть. С открытым ртом. С бешено колотящимся сердцем. Со щекой, которая горела, как будто её коснулись не губами, а раскалённым углём.

«Илюша, — звучало в голове её голосом. — До завтра, Илюша».

Он провёл ладонью по лицу, потом по щеке — там, где был поцелуй. Усмехнулся. Покачал головой.

- Твою ж... — выдохнул он в пустой салон.

Он не знал, что будет завтра. Не знал, как посмотрит в глаза Артёму. Не знал, что скажет отцу. Не знал, готова ли Влада к тому, что он — это не только прогулки и суши, а ещё и горы, и строгие правила, и ответственность, от которой у многих бегут мурашки по коже.

Но сейчас, в эту минуту, ему было всё равно.

Он завёл двигатель, включил музыку — какую-то старую, кавказскую, от которой ноет душа — и поехал домой. Сквозь ночную Москву, сквозь жёлтые фонари и мокрые улицы. С одной мыслью. «До завтра, Влада. До завтра».

Глава 8.

Влада влетела в подъезд, и только когда тяжёлая дверь захлопнулась за спиной, отрезая холодный вечерний воздух, позволила себе остановиться. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось — то ли от быстрого бега, то ли от того, что случилось в машине.

Она прислонилась лбом к прохладной двери лифта. Металл приятно охлаждал кожу.

- Я в него влюбилась, — прошептала она вслух, и голос дрогнул.

Сказать это себе — вслух, чётко, без скидок — было страшно и одновременно облегчающе. Как будто она перестала врать самой себе. Потому что весь сегодняшний день был одним сплошным «да». Да, я хочу быть с тобой. Да, мне хорошо рядом. Да, я боюсь, но всё равно хочу.

Лифт приехал. Влада вошла, нажала кнопку своего этажа и прислонилась к зеркальной стене. В отражении — покрасневшие щеки, блестящие глаза, растрёпанные волосы. Она выглядела... счастливой. По-настоящему. Не той вежливой улыбкой, которую надеваешь на выход в свет, а той, которая идёт изнутри и светится даже сквозь усталость.

Дверь квартиры она открыла своим ключом — щелчок, и запах дома: мамины духи, что-то травяное из кухни, лёгкий аромат цветов из прихожей.

- Я дома! — крикнула Влада в глубину квартиры, скидывая туфли. — У бабушки была! Она выглядит молодцом, давление спало!

Она на ходу стянула пальто, повесила его на плечики, едва попав в цель. Сумка полетела на пуф. Влада, даже не заходя в гостиную, свернула в коридор, ведущий к её комнате. Ей нужно было побыть одной. Переварить. Пережить заново этот день, каждую минуту, каждый взгляд, каждое слово. Особенно «Илюша».

Она уже взялась за ручку своей двери, когда из кухни вышла мама. Светлана Петровна — женщина лет сорока, с мягкими чертами лица и внимательными глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Она вытирала руки о фартук и смотрела на дочь с лёгкой тревогой.

- Ладка, — позвала она негромко. — Ты чего такая? На глаза не показалась, в комнату бежишь, как ошпаренная.

Влада замерла. Плечи напряглись.

- Всё нормально, мам. Устала просто.

- Ага, — Светлана Петровна подошла ближе, заглянула в лицо дочери. Влада отвела взгляд, но куда там — мать уже всё прочитала. По щекам, по глазам, по этому нервному румянцу.

- Влюбилась, — констатировала Светлана Петровна спокойно, как констатируют погоду. Не спрашивая, утверждая.

Влада открыла рот, хотела соврать, сказать что-то вроде «с ума сошла» или «ты вечно выдумываешь». Но не смогла. Просто выдохнула и кивнула.

- Да, — сказала она тихо. — Кажется, да.

Мать не засмеялась, не всплеснула руками, не бросилась обнимать с криками «рассказывай». Но в её глазах зажглось что-то тёплое — и настороженное одновременно.

- Парень-то хоть достойный? — спросила она, чуть склонив голову. — Не этот... Артём-пройдоха?

Влада вздрогнула от неожиданности.

- Ты знаешь про Артёма?

- Лада, — мать говорила тихо, но твёрдо, — ты думаешь, я не вижу, как он вокруг тебя вьётся? И отец твой видит. И бабушка. И соседняя собака. — Она вздохнула. — Парень красивый, речистый, из хорошей семьи. Но скользкий он, дочка. Очень скользкий. Как уж на скородке.

Влада невольно улыбнулась — мама умела выражаться.

- Нет, — сказала она. — Не Артём.

- А кто тогда? — Светлана Петровна скрестила руки на груди.

Влада на секунду замялась. Но мать не из тех, кому можно соврать в глаза. Она всегда чувствовала ложь — по интонации, по тому, как Влада крутит край свитера, когда нервничает.

- Его зовут Ильяс, — начала Влада медленно. — Он друг Артёма. Мы вчера познакомились — Артём привёл меня с Алей и Кристиной к нему в гости.

- И что же в нём такого? — в голосе матери не было насмешки, только искреннее любопытство.

Влада задумалась. Как объяснить? Что Ильяс — это не просто красивое лицо и дорогая машина? Что в нём есть что-то настоящее, кавказское, горное — то, что не купишь и не подделаешь?

- Он... другой, — сказала она наконец. — Он сдерживается, но не играет. Сегодня он приехал к нашему дому утром и ждал меня. Просто ждал. Не звонил, не писал — у него даже номера моего нет. Сидел в машине под дождём и ждал.

Светлана Петровна подняла бровь.

- Ждал? И ты поехала с ним?

- Он отвёз меня к бабушке, потом мы гуляли, ели суши, — Влада говорила быстро, захлёбываясь словами. — Мам, он рассказал про свою семью. У них... у них всё серьёзно. Отец — ингуш, мать — русская. Он говорит, что муж в семье — глава, и других вариантов не существует. И он так это сказал... с уважением. Не как приказ, а как данность.

- Ого, — мать присвистнула. — И тебя это не напугало?

- Напугало, — честно призналась Влада. — Но он при этом... он такой заботливый. И мама называет его «Илюша». Представляешь? Илюша. А он двадцатидвухлетний здоровый мужик, а когда говорит об этом, у него голос становится мягким, как у ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.